

ГЛАВА 1

Впервые я увидела Хизер Саймон в больничной палате — она лежала, свернувшись клубочком и укутавшись в тонкое голубое одеяло. На запястьях ее белели повязки, белокурые волосы скрывали лицо, и все же в ее облике было что-то благородное — высокие скулы, изящный изгиб бровей, аристократичный нос, нежные очертания бледных губ. Но руки ее выглядели ужасно: кровоточащие заусенцы, изуродованные ногти — не обкусанные, скорее сломанные. Как она сама.

Я уже успела прочесть ее карту, поговорить с дежурным психиатром, который принял ее накануне, и с медсестрами — многие из них проработали в психиатрическом отделении много лет и знали все обо всех. Во время утренних обходов я провожу с каждым пациентом примерно по полчаса, а остальное время принимаю у себя в кабинете в психиатрическом корпусе тех, кто лечится в стационаре. Поэтому на первое знакомство с пациентом я обычно беру с собой медсестру, чтобы мы могли вместе разработать план лечения. Сегодня со мной была Мишель, энергичная женщина с широкой улыбкой и светлыми кудрями.

Накануне муж Хизер вернулся домой и обнаружил жену на полу кухни с ножом в руках. Оказавшись в больнице, она пришла в возбуждение, расплакалась и стала бросаться на медсестер. Дежурный врач сделал тест на наркотики, результат был отрицательным, ей дали ативан¹ и поместили в отдельную палату. За ее состоянием наблюдали с помощью

¹ Ативан — успокаивающее лекарство. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

мониторов, и каждую четверть часа в палату заглядывала медсестра.

Она проспала всю ночь.

Я тихо постучала по косяку двери. Хизер перевернулась на спину, открыла глаза и заморгала. Я подошла к кровати. Она взглянула на меня, облизнула сухие потрескавшиеся губы и слотнула, после чего приоткрыла рот, словно собираясь что-то сказать, но с ее губ сорвался только долгий вздох. Глаза у нее были темно-синего цвета.

— Доброе утро, Хизер, — сказала я мягко. — Меня зовут доктор Лавуа, я ваш лечащий врач.

Когда я жила и работала на острове, пациенты звали меня Надин. Но переехав в Викторию и устроившись в больницу, я стала использовать свой титул — он как будто помогал мне держать эмоциональную дистанцию, а это было одной из основных причин переезда.

— Не хотите чаю?

Она смотрела куда-то поверх моего плеча, и лицо ее не выражало ничего — ни печали, ни злости. Ей не удалось умереть физически, но на эмоциональном уровне ее действительно не стало.

— Если вы не против, мне хотелось бы с вами поговорить.

Она бросила взгляд на Мишель и поплотнее закуталась в голубое одеяло.

— Зачем... она пришла? — прошептала она.

— Мишель? Она медсестра.

В психиатрическом отделении врачи, как правило, одеваются строго, а медсестры — более свободно. Мишель обычно одевалась ярко: сегодня на ней была полосатая рубашка и темно-синие джинсы. Если бы не бейдж, в ней сложно было бы узнать медсестру.

Было ясно, что Хизер очень страшно: она скорчилась под одеялом и в панике смотрела на нас, словно загнанное в угол животное. Мишель сделала шаг назад, но Хизер по-

прежнему выглядела напряженной. Некоторые пациенты пугаются, когда мы приводим с собой медсестер.

— Вам будет спокойнее, если мы поговорим вдвоем? — спросила я.

Она кивнула, покусывая краешек бинта. Мне снова пришло в голову, что она похожа на дикое животное, рвущееся на волю. Я взглядом показала Мишель, что она может выйти. Она улыбнулась Хизер.

— Я зайду попозже, милая. Вдруг тебе что-нибудь понадобится.

Я уже не раз замечала, как ласково держится Мишель с пациентами. Даже во время своего перерыва она частенько сидит с ними. Когда дверь за ней закрылась, я обернулась к Хизер.

— Скажите, Хизер, сколько вам лет?

— Тридцать пять, — медленно ответила она, оглядываясь по сторонам.

Постепенно она начала осознавать, где находится. На мгновение я увидела комнату ее глазами и посочувствовала ей: маленькое окошко в толстой металлической двери, окно из небьющегося стекла, покрытое царапинами, словно кто-то пытался таким образом проложить себе путь на свободу — как, впрочем, и было.

— А как вас зовут?

— Хизер Дункан... — Она потрясла головой, но движение вышло медленным и неверным. — Саймон. Моя фамилия Саймон.

Я улыбнулась.

— Вы недавно вышли замуж?

— Да.

Не «ага», не «угу». Она получила хорошее образование и привыкла говорить ясно. Взгляд ее сфокусировался на тяжелой двери.

— А Даниэль... он здесь?

— Он здесь. Но сперва мне хотелось бы поговорить с вами наедине. Сколько вы с Даниэлем живете вместе?

— Полгода.

— Чем вы занимаетесь?

— В данный момент ничем, но раньше работала в одном месте. Мы заботимся о земле.

Я заметила, что в последней фразе она употребила настоящее время.

— Вы занимались ландшафтным дизайном?

— Наш долг — оберегать землю.

Мне стало не по себе. Эти слова звучали знакомо, и она произнесла их так, словно повторяла услышанное много раз. Это были не ее собственные слова.

— Похоже, вечер у вас был тяжелый, — сказала я. — Может быть, расскажете, что произошло?

— Мне здесь не нравится.

— Вы в больнице, потому что пытались покончить с собой, и чтобы подобное не повторилось, мы постараемся вам помочь.

Она с усилием села, и я заметила, какие худые у нее руки, как отчетливо проступают на них вены. Ее пальцы дрожали, словно нагрузка, потребовавшаяся, чтобы поднять тело, была непомерной.

— Я хотела, чтобы все закончилось.

В ее глазах набухли слезы. Потом они потекли по лицу, закапали с кончика носа. Одна капля упала на руку. Она уставилась на нее, словно не понимая, как это могло здесь оказаться.

— Что закончилось?

— Мысли. Мой ребенок... — Голос ее сорвался. Она вздрогнула и скрипнула зубами, словно от резкой боли.

— У вас был выкидыш?

В ее карте указывалось, что она потеряла ребенка неделю назад, но мне хотелось, чтобы она рассказала об этом сама.

Еще одна слеза упала ей на руку.

— Срок был три месяца. У меня началось кровотечение... — Она глубоко вздохнула и медленно выпустила воздух сквозь сжатые зубы.

Я помолчала из уважения к услышанному, потом мягко сказала:

— Хизер, мне очень жаль. Это ужасно. Депрессия после потери ребенка — нормальное явление, мы поможем вам с этим справиться. В вашей карте указано, что в прошлом году вам выписали эффексор¹. Вы его принимаете?

— Нет.

— А когда прекратили?

— Когда познакомилась с Даниэлем.

В голосе ее звучал легкий вызов — она чувствовала себя виноватой из-за того, что перестала принимать таблетки, и стыдилась того, что они вообще ей понадобились. Люди с депрессией часто перестают принимать лекарства, когда влюбляются: эндорфины выступают в роли естественных антидепрессантов. Но потом жизнь берет свое.

— В первую очередь мне хотелось бы, чтобы вы вернулись к антидепрессантам, — сказала я непринужденно, как бы общаясь ей: ничего страшного, вы в порядке. — Мы начнем с небольшой дозы и посмотрим на эффект. В вашей карте говорится, что несколько лет назад у вас был тяжелый период.

В предыдущие разы она пыталась покончить с собой с помощью таблеток. В обоих случаях ее находили в последнюю секунду. Теперь Хизер перешла к более радикальным методам, и в следующий раз ей могло повезти меньше.

— Вам назначили посещение психотерапевта. Вы ходите к нему?

Она потрясла головой.

¹ Эффексор — лекарство для лечения депрессии, панических и тревожных состояний.